Москвич клуб. - 1999. - 3 июня. - 45. Ижевск "Семь сорок"

Театр „Шалом"

КАГЭБЭШНИКИ ПРОСЛЕЗИЛИСЬ

Александр Левенбук:

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

Более десяти лет назад в Москве открылся театр «Шалом». Сегодня мнения о нем самые противоречивые, от однозначно восторженных до резко отрицательных: мол, вовсе это не еврейский театр, а просто номера художественной самодеятельности с местечковым акцентом. Тем не менее, недавняя премьера этого театра — «Шлимазл» по роману Ильи Эренбурга — стала событием в московской театральной жизни, а один из лучших спектаклей «Шалома» — «Шоша» по роману Исаака Башевиса-Зингера была показана на сцене МХАТа имени Чехова. Наш собеседник — художественный руководитель театра «Шалом», заслуженный артист России Александр Левенбук.

— Александр Семенович, в средствах массовой информации появились сообщения о мощном взрывном устройстве, обнаруженном во дворе вашего театра. Это как-то отразилось на работе?

— История с невзорвавшейся бомбой напоминает мне известный анекдот: «Слышал, Рабинович выиграл в лотерею сто тысяч рублей! – Слышал. Только не в лотерею, а в преферанс; и не сто тысяч, а тысячу сто; и не выиграл, а проиграл». Да, действительно нашли взрывное устройство. Но незаряженное. Осколочная мина, начиненная 650 граммами пластита, лежала во дворе на помойке. Но поскольку взрывателя не было, то мина не могла взорваться. Из помойки эту «бомбу» извлек наш актер, которому понадобились болты. Он и по сей день ездит на машине с этими болтами, и ничего, до сих пор не взорвался.

— С юмором, я вижу, у вас все в порядке. А как вообще получилось, что из нормального советского медика вы переквалифицировались в эстрадника?

— В нормальном медицинском институте, где я учился в 60-е годы, была совершенно ненормальная творческая атмосфера. Алик Аксельрод, Аркадий Арканов, Григорий Горин – это всё наш институт. Мы делали капустник «День открытых дверей», его еще называли «День разбитых дверей», — на представление попасть было невозможно. Там мы с Александром Лившицем и начали выступать. Потом пришли на эстраду, стали лауреатами Всесоюзного конкурса. Потом появилась «Радионяня». И там у нас была изумительная компания: Аркадий Хайт – наш основной автор, Феликс Камов, Эдуард Успенский, Миша Танич, Ефим Смолин, Владимир Шаинский, Боря Савельев – он сочинял музыку веселых уроков, Михаил Пляцковский. Потом пришел Юрий Никулин, потом – Владимир Винокур, Лев Шимелов. Нашим идейным руководителем был Николай Владимирович Литвинов, человек огромного таланта и потрясающего личного обаяния. Неудивительно, что «Радионяня» стала по-настоящему народной передачей, мы получали горы писем.

— По-моему, за много лет такой же популярной детской радиопередачи так и не создали.

— Это вы сказали. Но вообще-то сейчас тоже делают кое-что интересное. «Очумелые ручки», например. А старые записи «Радионяни» передают дважды в месяц по «Радио-1». Может быть, скоро на этом канале начнется передача «Пенсионерская зорька», которую мы готовим совместно с Юрием Григорьевым.

— Надо полагать, «Пенсионерскую зорьку» вы создаете в свободное от театра время. А как создавался «Шалом»?

— После убийства Соломона Михоэлса и разгрома ГОСЕТа в России сорок лет не было еврейского театра. Поэтому это был очень важный момент – возрождение. И я к этому шел всю жизнь. Масса приемов была отработана в той же «Радионяне». Когда Лившиц уехал в Америку, он посмотрел на Бродвее много мюзиклов и написал мне, что не встретил ни одного приема, которого бы мы с ним не знали. Эстрада и «Радионяня» – вот моя театральная школа. А первой постановкой «Шалома» был спектакль по пьесе Аркадия Хайта «Поезд за счастьем». Он до сих пор успешно идет не только в Москве, но и в ближнем и дальнем зарубежье.

— О гастролях вашего театра в США американская пресса отзывалась очень тепло...

— Мы туда возили мюзикл Владимира Шаинского и Бориса Рацера «Пол-Нью-Йорка мне теперь родня», показали его в семнадцати городах.

— А недавно вернулись с гастролей из Санкт-Петербурга, которые, я знаю, также прошли успешно. Откуда такой интерес к еврейской тематике?

— Я всегда повторяю: наш театр – для евреев любой национальности. Удивительно, но факт: неевреи стали активно ходить на наши спектакли, в то время как во всем мире в еврейский театр ходят только евреи. Но в подтверждение нашему феномену приведу такой пример: все премьеры мы возим в российско-удмуртский город Ижевск. И зал всегда полон. Стало быть, наши работы интересны сами по себе, вне зависимости от национального колорита.

— И тем не менее я слышала упреки в ваш адрес. Дескать, в России как не было еврейского театра, так и нет, потому что в таком театре должны играть на еврейском языке.

— Чепуха! «Скрипач на крыше» по Шолом-Алейхему, поставленный на Бродвее (естественно, на английском) победил все еврейские зрелища в мире. Он не сходил со сцены 25 лет! Его перевели на немецкий, французский, испанский и другие языки, и все узнали о замечательном писателе Шолом-Алейхеме. Когда мы затевали свой театр, я уже тогда знал, что спектакли будут ставить только на русском. Если ставить на языке, которого никто в России не знает, — это тупик. И между прочим со своим русским языком и своей еврейской темой мы в США собираем полуторатысячные залы, в Лондоне за 14 дней сыграли 17 спектаклей – и все с аншлагом. Наш театр имеет свою оригинальную драматургию, созданную специально для нас: «Поезд за счастьем», «Заколдованный театр», «Пол-Нью-Йорка мне теперь родня», «Четыре чемодана в «Шереметьево-2», «Праведники и грешники» (по мотивам новелл Эфраима Севеллы), «Шоша», «Шлимазл». Нельзя же в очередной раз ставить «Тевье-молочника», тем более, что все равно никто в России не поставит его так, как в Америке.

— Но «Поминальная молитва», по повести «Тевье-молочник», с успехом идет в Ленкоме...

— А мне этот спектакль не нравится. Концепция Григория Горина и Марка Захарова сводится к простой мысли: евреи – такие же люди, как все. А они другие! Слово «еврей» даже так переводится – «по другую сторону», «другой». Это вовсе не означает, что евреи лучше или хуже. Они просто другие! У них другая психология, религия, другие традиции.

— Мне очень понравился ваш спектакль «Шоша». Замечательный актерский ансамбль, удивительная пластика...

— Чтобы перенести на сцену роман нобелевского лауреата Исаака Башевиса-Зингера потребовалось более года напряженной работы. Замысел принадлежит Визме Витолс, нашему главному хореографу. Она здесь одновременно и автор пьесы, и режиссер-постановщик, и хореограф. На мой взгляд, танцевальные композиции в «Шоше» удивительно органично сливаются с главной идеей спектакля. Например, любовный танец главных героев в конце первого акта. Он заканчивается их воспарением над сценой, актеры замирают, как летящие фигуры на полотне Шагала, в обрамлении белого шарфа-хупы. А танец, который исполняют Аарон и Бетти, американская подруга главного героя, по мнению специалистов – настоящее варшавское танго, которое сильнее слов передает тревожную атмосферу предвоенной Варшавы.

— Визма Витолс – латышка, ставит еврейские танцы, и люди любой национальности воспринимают их, как свои. В чем секрет?

— Может, в том, что Визма – моя жена? Кстати, ее имя переводится с латышского как «сверкающая ива». В «Шаломе» она поставила 50 танцевальных номеров и была режиссером тех постановок, где потребовалась нетрадиционная форма режиссуры. Махмуд Эсамбаев как-то сказал, что только в двух московских театрах серьезно относятся к танцу: в Ленкоме и «Шаломе», но в «Шаломе» серьезней. Когда Визма ставила свой первый «Фрейлакс» (у нас в России этот танец называют «Семь сорок»), который к тому времени стал атрибутом всех ресторанов мира, она обещала создать гимн еврейскому народу. После премьеры спектакля «Поезд за счастьем», где исполняют этот танец, ко мне вбежали два кагэбэшника – в слезах! Так что национальная принадлежность не имеет существенного значения. Важно, чтобы человек хотел вникнуть и был талантлив.

— В «Шаломе» много молодых талантливых актеров. Расскажите о них.

— Это я мог бы делать бесконечно — рассказывать о своих актерах. Каждый из них интересен. Например, Наташа Гарус. У нее природный профессионализм, звериное чутье на то, как существовать в предложенных обстоятельствах. Она играет главную трагедийную роль в «Шоше», на которую до нее мы приглашали трех опытных актрис, но только Наташа с первой репетиции попала в «десятку».

Или Евгений Валевич. Работает у нас второй сезон, играет серьезные драматические роли, его уже многие узнали и полюбили. У него есть и своя авторская программа – «Еврейское застолье». Здесь он – веселый, музыкальный, танцевальный. Настоящий шоумен, который может завести зал, заставить людей вместе с ним хлопать и топать.

— Читатели меня не поймут, если я сейчас не попрошу вас рассказать какой-нибудь анекдот...

— Ну, конечно! Раз в три месяца я выступаю в «России» в концерте «Ах, анекдот, анекдот», какие-то отрывки показывают по телевидению и создается впечатление, что Левенбук только и делает, что постоянно рассказывает анекдоты. Ну, ладно, вот вам ваш анекдот: Моисей ведет свой народ из Египта и не знает, как перейти Красное море. Вызывает инженера-строителя. Тот говорит: «Надо строить мост» – «Долго?» – «Два месяца» – «Это долго, египтяне нас догонят». Вызывает журналиста и спрашивает совета. Тот говорит: «Надо воздеть руки к небу и попросить Всевышнего, чтобы Красное море расступилось. Вы с народом пройдете, и море за вами сомкнется». Моисей в сомнении: «А у меня получится?» Журналист: «Не знаю, не уверен, но публикацию в Ветхом завете я вам гарантирую!»

— А я вам – в «Вечернем клубе».

— Договорились.

Встречалась
Лариса ТОКАРЬ